

**РУДОЛЬФ
ЛОЖНОВ**

НОВОГОДНИЙ **СЮРПРИЗ**

Записки следователя

Черный детектив

Черный детектив

Рудольф Ложнов

Новогодний сюрприз

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2=411.2)64-4

Ложнов Р. В.

Новогодний сюрприз / Р. В. Ложнов — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Черный детектив)

ISBN 978-5-907254-58-9

«Новогодний сюрприз» – повесть о раскрытии непростых преступлений в южном городе металлургов и шахтёров, в далёком прошлом, в конце советской эпохи. Повествование погружает нас в непростые будни работы следователя, сложные отношения в работе сотрудников правоохранительных органов того времени. Несмотря на всю суровость трудовых будней следователя, на страницах повести читатель встретит немало лирических отступлений, раскрывающих всю многогранность характера людей, стоящих, как говорится, «на страже нашего спокойствия». Думается, что эта история будет интересна не только тем, кто жил в то время, но и современному читателю.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2=411.2)64-4

ISBN 978-5-907254-58-9

© Ложнов Р. В., 2020
© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Автобиография	6
Примечание автора	7
Новогодний сюрприз	9
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Рудольф Ложнов

Новогодний сюрприз. Записки следователя

Серия «Черный детектив»

© Рудольф Ложнов, 2020

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2020

Автобиография

Ложнов Рудольф Васильевич родился 5 января 1940 года в деревне Москакасы Б.-Сундырского района Чувашской АССР.

Я круглый сирота. Отец, Василий Петрович, погиб под Курском 5 сентября 1943 года; мать, Феодора Никифоровна, умерла 26 ноября 1942 года от полученных ожогов, спасая нас при пожаре. Нас осталось пятеро: старшей сестре, Зое, было 14 лет / 1929 г.р./, самому младшему – мне – около 3 лет. К нашему несчастью, у нас не было ни бабушки, ни дедушки.

Благодаря Всевышнему, добрым, равнодушным людям и старшей сестре Зое, испытал все круги ада: бедность, нищету, голод и холод – мы всё же выжили.

Окончив Орнинскую среднюю школу, которая находилась в 7-ми километрах от нашей деревни, в 1958 году и, стремясь получить дальнейшее образование, летом работал с колхозниками на заготовке леса. Заработав 300 рублей, взял небольшой чемодан, в котором находились книги, одна рубашка и одни брюки, уехал поступать в горный техникум в город Красный Луч Луганской области. Окончил его в 1961 году. Получив диплом горного техника, по распределению попал на шахту Северная треста «Краснодонуголь», в город молодогвардейцев. Это была моя мечта. Она сбылась.

Через три месяца работы был призван в армию. Служил в пограничных войсках на Дальнем Востоке. Отслужив, вернулся снова на шахту.

В 1970 году окончил заочно Харьковский юридический институт. После окончания стал работать следователем, а через несколько лет – начальником следственного отделения ОВД города Красный Сулин Ростовской области.

В 1990 году ушёл на заслуженный отдых. Снова работал на шахте, пока шахту не ликвидировали.

В последние годы занимаюсь писательством. Имея большой опыт работы в следствии, по просьбе моих друзей и сотрудников стал писать детективные повести и романы из своей следственной практики. Изданы несколько книг из серии: «Записки следователя» – «Привидение», «Побег», «Седой», «Ночные ястребы», «Душегуб».

В данный момент – вдовец. Жена ушла в иной мир. Имею трёх детей, четырёх внуков и трёх правнуков.

Награды: «Отличник советской милиции», медаль «Ветеран труда».

Примечание автора

Я родился в 1940 году. Сколько мне ещё лет отмерено на этой земле, один Всевышний знает. Следуя примеру Николая Островского, кумира Советской эпохи, я тоже решил оставить след на земле, пока жив и жива память моя. Работал приличное время в системе органов внутренних дел следователем, у меня в памяти сохранилось множество примеров самозабвенной, мужественной, добросовестной и честной работы многих сотрудников милиции, которые ради спокойствия граждан, ради их здоровья и жизни, ради их благополучия, ради спокойной обстановки общественного порядка, не жалея себя, своего здоровья, отдыха, благополучия, а если нужно было – жизни, вели борьбу с преступными элементами, нарушителями общественного порядка. Вот о таких людях я хочу оставить память в своих «Записках», чтобы люди: знакомые, незнакомые, близкие, родственники, растущее поколение – знали о них и помнили. Мои «Записки следователя» не совсем чисто художественные произведения. Там мало художественного вымысла. Описанные в «Записках» события основаны на реальных историях, расследованных мною совместно с оперативными работниками уголовного розыска, участковыми и другими сотрудниками нашего отдела.

Описанные события происходят в 70–80—десятилетиях двадцатого столетия в стране под названием Союз Советских Социалистических Республик. Это, конечно, моё личное мнение, и это мнение останется при мне до конца моей жизни. То время, та страна, где я прожил более пятидесяти лет, вырастили меня, дали бесплатное образование, дали работу, сделали из меня, круглого сироты, – человека!

Пусть мы тогда жили небогато, пусть тогда прилавки магазинов не баловали нас изобилием продуктов и товаров, пусть тогда не было роскошных автомобилей, всяких там телевизоров, компьютеров, мобильных телефонов и прочего. Зато мы были тогда, как никогда, дружны, любили, уважали друг друга, как говорили тогда: «Человек человеку – друг, товарищ и брат». Не было тогда деления общества на богатых и бедных. Страна жила единой, дружной семьёй. Не было между людьми и, тем более, между нациями вражды, ненависти. Русские люди жили во всех национальных республиках. Все люди свободно перемещались по всей стране. Не надо было, приехав в Москву, показывать паспорт каждому встречному милиционеру. Была настоящая, реальная, осязаемая, доступная свобода, а не такая, как в настоящее время – понятная простому народу.

Мы, люди советской страны, воспитанные советским временем, гуманными и патристическими идеями, были истинными патристами своей страны. Потому мы одержали победу в Великой Отечественной войне и в кратчайший срок восстановили разрушенную войной страну. Восстановили заводы, фабрики, построили новые. Мы гордились своей Родиной: Великой, Могучей, Непобедимой и Любимой! Как мы гордились, когда Гагарин полетел в Космос. Гордились тем, что это был наш, советский человек. Какое это было ликование, радость и гордость за победу нашей отечественной науки. Во всех городах, посёлках и деревнях страны проходили самоорганизованные митинги. Гремела музыка, танцы и песни. Праздник был поистине ВСЕНАРОДНЫЙ. Я сам был участником этих событий. Какой патристический порыв был у людей, у советского народа, особенно у молодёжи! Бросая всё: квартиры, уют, благополучие, привычные города, сёла, деревни, хутора, аулы – уезжали на необжитые места осваивать целину, на разные стройки: в Сибирь, на Север – осваивать их богатства, на БАМ... По вечерам улицы, площади, скверы городов, сел, деревень заполняли люди. Выходили после работы отдыхать, просто гулять, поговорить с друзьями, проводить время семейно. Многие шли в кинотеатры. Другие – на танцплощадку. Звучала музыка. Было весело. Люди радовались жизни. Были

счастливы. Лечились бесплатно. Учились бесплатно. Получали квартиры бесплатно. Получали бесплатно путёвки на отдых. У людей была работа. Люди знали, что у них будет завтра. Знали, что у них есть будущее.

Советское время – это было время СОЗИДАНИЯ, время УВЕРЕННОСТИ в СВЕТЛОМ БУДУЩЕМ, время ПАТРИОТИЗМА и ПОДВИГОВ! Время ДРУЖБЫ и МИРА между народами. В СССР будущее представлялось светлым, созидательным, мирным, спокойным. Один из жителей города Красный Сулин В. Е. Печеневский, вспоминая о прошлом, сказал так: «Душой я весь с той страной / СССР /, потому что у нас было будущее и мы жили в самой сильной стране, с мнением которой считались... Кто не чтит своё прошлое, у того нет будущего. Благодарен за всё пионерии, комсомолу, тому счастливому времени, а красный флаг – его олицетворение!» Лучше ничего не скажешь!

Другой – первый строитель БАМа Владимир Иванов – сказал так: «Романтика! Горело и осознание сопричастности с чем-то мощным, глобальным, важным для государства. Мы не делились на русских, украинцев, казахов, киргизов или грузин. Были как единое целое. Работали добросовестно».

Это было поколение истинных патриотов СССР. Это было действительно ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ВРЕМЯ!

Р. Ложнов

Новогодний сюрприз

Записки следователя

Устоявшуюся тишину моего кабинета внезапно взорвал звонок телефона. От неожиданности я слегка вздрогнул. Тут же перестал печатать на пишущей машинке обвинительное заключение по одному уголовному делу и с каким-то неясным чувством тревоги в душе поднял телефонную трубку:

– Рудольф Васильевич! – прогудел в трубке встревоженный голос дежурного по отделу милиции, капитана Лукьянова. – Твоя жена беспокоится. Спрашивает, где ты. «Почему до сих пор нет его дома?» Ты что, забыл: скоро Новый год, а ты до сих пор на работе! Ты, как я знаю, не дежурный следователь сегодня. Не пора ли домой? Опоздаешь ведь!

Меня как будто кипятком облили. Я машинально глянул на часы. Часы показывали без двадцати минут двенадцать.

– О, боже! – самовольно вырвалось из груди. «Так быстро прошло время! Надеялся закончить печатать обвинительное заключение, но, видать, не суждено этому случиться! Ничего не поделаешь, на всё божья воля. Отложим на будущий – Новый – год. Два дня ещё есть в моём распоряжении, – мысленно подумал я. – Однако же нужно спешить домой! Не опоздать бы!»

– Борис Алексеевич, дорогой, спасибо тебе, что напомнил! Если бы не твой звонок, точно встретил бы Новый год тут – в одиночестве. Спасибо ещё раз!

Я поспешно убрал со стола уголовное дело с недопечатанным обвинительным заключением, положил в сейф. Закрыв его на ключ, быстро оделся и вышел из кабинета. В здании отдела стояла удручающая, мёртвая тишина. Как-то не по себе стало от такой пугающей, гнетущей тишины. Будто бы не в здании отдела находился, а где-то в пустом, заброшенном, большем, страшном – с привидениями – доме, вдали от людских селений. Я поспешил быстрее покинуть это место и направился к выходу из отдела. По коридору дошел до дежурной части, на ходу поздравил дежурного Лукьянова, помощника его, Зорина, и водителя Батиенко с наступающим Новым годом. Пожелал им здоровья, благополучия, спокойного дежурства и вышел на улицу.

На улице было всё белым бело, и от этого казалось, что на улице не ночь, а только что наступившие сумерки. Падал мягкий, пушистый снег. «Как хорошо, как прекрасно, а просто великолепно! – мысленно воскликнул я и радостным, весёлым, радужным настроением вдохнул снежный, морозный воздух... – Днём ведь совсем не было снега. Никто не ожидал и не предвидел такой божий дар. Гляди и радуйся! Снег на Новый год – всегда радость людям!» Со стороны центральной площади, которая находилась через квартал от отдела милиции, где сейчас красовалась и радовала глаз людям наряженная, сверкающая разноцветными огнями ёлка, звучала весёлая, зажигательная музыка. Слышался говор и смех...

Снежный морозный воздух и картина радостной встречи наступающего Нового года скрасили и сократили мой путь домой. Навстречу мне изредка попадались люди, как и я, опаздывающие на встречу с Новым годом.

Каждый встречный, знакомый и незнакомый приветствовал меня, размахивая рукой и произнося при этом новогодние поздравления. Я тоже не отставал от них. Поздравлял и махал рукой. После приветствий и поздравлений каждый продолжал свой путь дальше. За замороженными окнами домов сверкали разноцветными огнями новогодние ёлки.

Новый год – праздник семейный, и встречать его принято дома, среди родных и самых близких друзей. Новый год – пора веселья, радости и чудес. Это время, когда все, от мала до велика, ждут чего-то необыкновенного, сказочного и сверхъестественного...

Это по-настоящему волшебное время, потому что в душе мы все искренне верим в чудеса! При мысли, что сейчас дома меня ждут жена, дети, наши близкие друзья: Надя с Иваном и Женя с Виктором – стало приятно и уютно в душе, и всё плохое, что было, кажется, осталось далеко позади, в прошлом...

Когда я зашёл в квартиру и разделся, заканчивался бой кремлёвских курантов, и мне, как опоздавшему, по просьбе присутствующих пришлось произнести тост со следующими, где-то прочитанными словами:

– Пусть этот Новый год войдёт в нашу жизнь с искрящимся весельем, огромной удачей, счастливыми улыбками и исполнением самых сокровенных желаний. Желаю вам радости в каждом дне, удачи в любом деле, удачи в любви, здоровья, процветания и благополучия!

Все чокнулись, и под бой последнего удара кремлёвских курантов и звон наших бокалов наступил долгожданный, многообещающий, полный надежд, Новый, 198 – ый год...

* * *

Первое в наступившем Новом году январское утро выдалось морозным и облачным. Вызванный рано по случаю ограбления этой ночью пошивочной мастерской, я стоял на крыльце здания городского отдела внутренних дел, ожидая оперативную группу для выезда на место происшествия, и любовался утренней зимней природой.

Как тиха в этот утренний час природа! Кажется, ничто не шелохнётся, всё спит. Даже судорога лёгкого ветерка не пробежит по замёрзшим верхушкам деревьев и кустарников. Но это только казалось, что-то всё же двигалось.

Наблюдал, как на землю, покрытую уже изрядным слоем снега, совершая своеобразный, только им понятный, зигзагами путь, падали, кружась, крупные, но редкие, разного рисунка, снежинки. За ночь зима разукрасила своим белым цветом всё: белыми шапками стали крыши домов, административных зданий, магазинов, верхушки деревьев и кустарников. Деревья стояли с опущенными от тяжести налипшего снега ветками, и казались они сказочными и неуклюжими. От свежего, морозного, снежного воздуха дышалось легко и свободно.

При взгляде на эту снегом созданную сказочную природу невольно в памяти всплыли картины моего деревенского военного и послевоенного детства. Тогда зимы были морозные и снежные. Зима, мороз, снег, сугробы, да ещё какие сугробы! Иногда, чтобы выходить из дома, приходилось пробивать туннели от входной двери дома до калитки и до сарая. Снегу бывало до самых крыш домов. Зимой в деревне у всех в избах с утра топились печки, а из печных труб, торчавших на крышах изб, вился сизый дым. Если не было ветра, особенно в морозные дни, шёл он как бы высоко в голубое, бездонное небо.

Мы, детвора деревенская, если находили время или обстоятельства позволяли, катались с горок на самодельных санках и на лыжах. Играли в снежки. Лепили снежную бабу. Были безумно рады, не чувствовали ни снега, ни холода. Приходили домой голодные, усталые, румяные, но счастливые...

– Оперативная группа в сборе! – прервал мои воспоминания о детстве голос дежурного Лукьянова.

* * *

Наша небольшая компания, именуемая следственно-оперативной группой, состояла из четырёх человек: меня – следователя, инспектора уголовного розыска – старшего лейтенанта Бобова, эксперта-криминалиста – капитана Глуховой, кинолога – старшего сержанта Бакланова; и пятый член нашей компании – служебно-розыскная собака по имени Лада.

Внешний вид нашей компании после торжественной, бурной встречи Нового года выглядел не таким уж бодрым, боевым и решительным. Например, кинолог Бакланов только с третьей попытки, и то с помощью Бобова, смог защёлкнуть карабин к ошейнику Лады. Эксперт-криминалист Глухова взяла с собой чехол фотоаппарата без самого аппарата. Пришлось за ним возвращаться.

Как только уселись в машину, ещё водитель не успел завести двигатель, опер Бобов издал внушительный храп. Голова его откинулась назад на спинку кресла. Эксперт Глухова, хотя старалась казаться бодрствующей, но как только машина тронулась, от подобного состояния не осталось и следа. Глаза тут же закрылись, и голова её поползла на плечо.

Меня тоже начало клонить ко сну, но повизгивание служебно-розыскной собаки Лады частично отгоняло сон. Лада повела себя беспокойно, нервничала, повизгивала, чувствовала, вероятно, предстоящую работу. Высунув свой влажный розовый язык, старалась лизнуть то лицо хозяина, то лицо Бобова. Собаки, как и мы, всё понимают, только не разговаривают. Они так же, как и мы, радуются в случае удачного исхода операции.

При взгляде на Ладу перед глазами всплыла моя служба в пограничных войсках на Дальнем Востоке, на границе с Китаем. У нас на заставе была тоже служебно-розыскная собака, по имени Трезор. Кинологом был татарин Шамиль. Шамиль прослужил на границе со своей служебной собакой целых десять лет. Удивительная, своеобразная была собака. Как рассказывал сам Шамиль, он Трезора воспитывал со щенка. В двухлетнем возрасте пёс пошёл с ним служить в погранвойска.

Только за полтора года моей службы на заставе Шамиль с Трезором задержали двенадцать нарушителей границы. В те годы, то есть 60-ые, китайцы часто нарушали нашу границу. У них шла «культурная революция». Спасаясь от репрессий, убегали к нам. Трезор за годы службы заслужил девять медалей. Читатель, может, не поверит, но я хочу отметить, что Трезор очень гордился своими медалями. На параде, проводимом в честь Дня пограничника в отряде, Трезор гордо шагал со своим хозяином в ряду и даже не оглядывался по сторонам. Он очень чутко и тонко понимал хозяина. Если Шамиль сказал: «Лежать!» или «Сидеть на месте!» – будет сидеть до тех пор, пока не поступит другая команда хозяина...

* * *

Машина резко затормозила и остановилась. От резкого торможения спящий Бакланов свалился на пол и сквозь сон промычал что-то нечленораздельное. Бобов и Глухова, несмотря на толчок автомобиля от резкого торможения, продолжали мирно спать.

– Приехали! – прозвучал голос водителя Батиенко. Но со стороны присутствующих в салоне машины на голос водителя никто не отозвался.

– Оперативная группа, подъём! – громко, чтобы все услышали, выкрикнул я и стал тормошить всех. Мой громкий голос тоже не произвёл на «утомлённых» никакого положительного результата. Моя вторая попытка разбудить всех тоже не имела успеха. Вдруг у меня возникла дерзкая идея. Я резко открыл боковую дверь автомобиля. Холодный воздух моментально заполнил его салон. Неожиданный, холодный, морозный, воздушный душ моментально

привёл в чувство спящих. Пока я занимался спящими, к открытой двери машины подошёл участковый Иванченко Николай Иванович.

Мы поздоровались, поздравили друг друга с наступившим Новым годом, пожелали здоровья, успехов в службе, благополучия в семьях, и в конце церемонии я, открыто посмотрев на участкового, спросил:

– Кто первый обнаружил отсутствие стекла в окне мастерской?

– Обнаружил я со своим внештатным сотрудником Дёмкиным, – с лёгкой дрожью в голосе проговорил он.

«Видимо, холод достал его, пока ждал нас», – мысленно отметил я, глядя на замёрзшего участкового. Услышав ответ участкового, я решил подшутить над ним, чтобы расшевелить, развеселить его.

– Слушай, Николай Иванович, я не совсем понял, ты что, сторожем, что ли, нанялся в мастерскую на Новый год? Порядочные люди или ещё продолжают встречать Новый год, или «дряхнут» в тёплых постелях. Что – с деньгами туго стало? Решил подзаработать? Как ты успеваешь? Не знал, не знал, что ты сразу на двух работах работаешь! И давно ты этим делом занимаешься или только на Новый год решился? Слушай, дружище, ты хотя бы мог же отпроситься, чтобы нормально встретить Новый год?

По замёрзшему лицу я понял, что Иванченко мою шутку принял всерьёз и даже, как мне показалось, рассердился не на шутку. Значит, я затронул его!

– Я не нанимался сторожем, Рудольф Васильевич, – недовольным, слегка сердитым, но уже по-настоящему дрожащим от холода голосом проговорил он. – Если хотите знать, то Новый год мы с друзьями встретили в ресторане и семейно. Прекрасно веселились, отдохнули, танцевались, наигрались в разные игры. Побыли в ресторане до четырёх часов утра. После ресторана пошли к ёлке на площадь. Было очень хорошо и весело возле ёлки. Народу тьма. Танцы, песни, игры. Повеселились от души. Побыв на площади довольно-таки приличное время, жена моя предложила пойти домой. Я проводил её домой, а сам решил подежурить на своём участке до утра. Погода была хорошая. Шёл снег. То, что нужно было людям. Нечасто у нас на Новый год бывает снег и хорошая погода. А тут, как по заказу. В половине пятого я зашёл в отдел. Там встретил Дёмкина, нашего добровольного помощника. Дежурный по отделу Лукьянов сообщил, что звонили из центральной проходной металлургического завода. Сказали, что сторож кафе «Металлург» напился и буйствует, может натворить бед. Нужно проверить.

Я пригласил с собой Дёмкина, и мы пошли к кафе. Подошли к кафе. Входные двери были закрыты на замки. В зале горел свет. Через окно мы заметили, что сторож спит на полу. Убедившись, что сторож кафе спит, решили осмотреть здание кафе со всех сторон. Обошли кафе, но никаких повреждений не обнаружили. На всякий случай, решили проверить пошивочную мастерскую. Она же рядом с кафе. Подумал, что сторож кафе спяна мог что-нибудь натворить там. С парадной стороны двери мастерской были закрыты на внутренние замки. Двери были невредимы. Окна тоже были целы.

Внутри горел свет, но там никого не было видно. Для верности решили обойти вокруг. На тыльной стороне мастерской мы заметили на снегу следы обуви, которые отходили от окна в сторону речки М. Гнилуша. Это меня насторожило. Мы подошли к окну и тут заметили отсутствие стекла в окне. Поняв, что тут что-то не так, нечисто, я оставил Дёмкина возле мастерской, а сам пошёл в проходную завода, чтобы позвонить в милицию и сообщить о случившемся.

– Понятно, – сказал я, выслушав Иванченко, и тут же задал ему прямой вопрос:

– Николай Иванович, вы по неосторожности или случайно по тем следам не топтались?

Иванченко мгновенно сделал на лице обиженный вид и, серьёзно посмотрев на меня, проговорил:

– Нет, нет. Что Вы, Рудольф Васильевич! Вы можете не беспокоиться. Я ведь не первый раз на происшествиях, всё понимаю. Мы шли сбоку тех следов. Эти следы слегка присыпаны снегом. Можете быть спокойны. Мы по ним не топтались, держались от них подальше.

– Отлично! Молодцы! – похвалил я участкового Иванченко.

Довольный моей похвалой и на радостях, участковый тут же предложил:

– Пойдёмте, Рудольф Васильевич, чтобы Вы были уверены, покажу следы и окно.

Иванченко повёл меня за мастерскую и, дойдя до окна, остановился.

– Вот они, следы. Видите, никто по ним не ходил. Как были, так и есть. – Тут же он добавил, – рассмотрев следы, я понял, что тут ходил один человек, то есть следы оставлены одним человеком. Видите? Следы идут в одном направлении, от окна в сторону речки Гнилуша. Далее следы идут к насосной станции, которая также расположена у самого берега реки. Обратного следа нет. Я проверял.

«Удивительно! – стал размышлять я после того, как выслушал Иванченко и убедился во всём этом сам лично. – Следы одни, одного человека, уходящие от окна мастерской, а подходящих следов к окну – нет! Получается интересная головоломка. Получается, что? Получается, получается, что сторож сам охранял мастерскую и сам же её обворовал! Небывалый в моей практике случай. Ушёл, бросив мастерскую без охраны. Скрылся? Абсурд! Выходит, что сторож – преступник! Он что – сумасшедший? Стоп! Почему сразу преступник? Где доказательства? Где улики? Мы ведь ещё не знаем, похищено ли что-нибудь? Рано что-то предполагать, не так ли? Вначале проверим внутренность мастерской. Тогда видно будет! Может, сторож спит пьяный, как сторож кафе? А что? Вполне возможно! Наступал Новый год. Есть вполне оправданный и нужный повод!»

Продолжая размышлять над возникшими вопросами, я с Иванченко вернулся к входным дверям мастерской, где в это время уже находились пришедшие в себя Бобов, Глухова и Бакланов со своей собакой.

– Вот теперь я вижу, что оперативно-следственная группа в полном порядке и готова решать вопросы, предназначенные ей, – полушутя, полусерьёзно сказал я. – И вижу, это уже меня радует, как вам не терпится быстрее вступить в бой! Не так ли, друзья?

– Анатолий Борисович, – обратился я к кинологу Бакланову, – к работе готов приступить?

Бакланов принял вполне серьёзный, как бы решительный вид и громко отрапортовал:

– Да, Рудольф Васильевич! Указывайте, с чего начать? Тут же приступим к выполнению задания и не подведём!

В душе я ухмыльнулся, видя, как кинолог старается изо всех сил держаться стойко на ногах. «Дёрнется случайно собака – вряд ли устоит».

– Раз ты готов к выполнению задания, тогда слушай. Задание очень серьёзное и ответственное. Отнесись к нему, пожалуйста, должным образом. Не подкачай. Хорошо?

– Можете не сомневаться, Рудольф Васильевич! Не подведу! Всё сделаю по совести и с усердием.

– Отлично, Анатолий Борисович! Я не сомневаюсь в твоей добросовестности. На тыльной стороне мастерской от окна идут следы. Залазить внутрь здания через окно пока не советую. Следы на снегу свежие. Иди за мной, покажу.

Я пошёл первым, а за мной последовал Бакланов со своей собакой.

– Следы идут от окна в сторону речки. Начинай от окна и продолжай дальше, сколько будет возможно. Подходи к делу творчески, прояви настойчивость! Ты наша надежда! В помощь я тебе дам участкового Иванченко. Действуй!

Оставив Бакланова возле следов, я вернулся назад, к входным дверям мастерской, и обратился к участковому Иванченко: – Николай Иванович, ты послал кого-нибудь за заведующей мастерской?

Участковый Иванченко, услышав мой вопрос, перестал пританцовывать и обратил свой взор на меня.

«Видать, замёрзли ноги? – мысленно отметил я, глядя на него. – Ничего, скоро ему будет жарко. Лишь бы собака вышла на след».

– Да. Мой внештатный Дёмкин должен быть уже у неё.

«Молодец, Николай Иванович!» – мысленно похвалил я участкового за оперативность и догадливость, а вслух сказал:

– Хорошо. Николай Иванович, а теперь ты присоединись к Бакланову. Будешь помогать ему. Мы тут сами разберёмся.

Когда ушёл участковый, я обратился к Бобову:

– Николай Никифорович, если память меня не подводит, несколько месяцев тому назад эту мастерскую пытались ограбить, или все же было ограбление? Такие слухи доходили до меня. Можешь мне ответить конкретно, ограбили тогда мастерскую или нет?

Я пристально и требовательно посмотрел на него.

Бобов как-то странно, недружелюбно взглянул на меня и, приняв равнодушный и безразличный вид, невнятно буркнул:

– Имело место. – Тут же отвернулся в сторону моста через реку Гнилуша и устремил свой взгляд на голубей, сидящих на крыше здания профтехучилища.

– Не понял? Я спросил у тебя, была кража или нет?

– Ну, была... – продолжая смотреть на голубей, вяло произнёс он.

– Кто выезжал на эту кражу?

– Я и участковый Иванченко.

– Слушай, Николай Никифорович, что-то ты темнишь. Ты можешь мне рассказать подробнее об этой краже? Почему следователь не участвовал в осмотре места происшествия?

Мой серьёзный и требовательный тон, видимо, подействовал на него. Он, не спеша повернувшись ко мне, вяло, как-то туманно, неубедительно пробормотал:

– Пустяки. Ничего существенного. Пустая трата времени.

– Николай Никифорович, что-то я тебя не пойму. Всё как-то несерьёзно, неопределённо у тебя: «Ничего существенного. Пустая трата времени». Что это за ответ? Скажи конкретно, материал по факту кражи собирали вы? И где он сейчас?

– Вероятно, в архиве, – промямлил полуживым голосом Бобов.

Поняв, что Бобов что-то недоговаривает или не хочет сейчас вспоминать, я решил по возвращении в отдел поискать этот материал и изучить. «Мне кажется, что-то тут не совсем чисто».

– Николай Никифорович, пока появится заведующая, ты походи в кафе «Металлург», поговори со сторож ем. После, как поговоришь со сторожем, сходи на проходную завода. Расспроси у ночного дежурного, не проходили ли ночью через проходную подозрительные лица. Ты понимаешь, о чём я?

– Конечно. Я ведь не стажёр в таких делах. Сделаю всё, как надо!

– Хорошо! Мы с Валентиной Петровной будем ждать заведующую.

* * *

Мороз усилился. Перестал идти снег. От холода у меня стали мёрзнуть ноги, и волей-неволей я стал слегка пританцовывать. Не послушал жену. Она ведь предлагала обуть сапоги. Как быгодились сейчас тёплые сапоги! Я мельком взглянул на Глухову, чтобы узнать, как она себя чувствует. Мороз, по-видимому, тоже начал доставать и её. Ноги не стоят на месте. Постепенно начинают выбивать чечётку. Чтобы как-то нарушить образовавшуюся немую обстановку, слегка дрожащим от холода голосом я произнёс:

– Музыки вроде бы возле нас нету, а ноги почему-то выбивают чечётку. Ты не замечаешь, Валентина Петровна?

Валентина Петровна как будто не услышала моего голоса, и не последовало никакого ответа. Я изумлённо уставился на неё. Только через определённый промежуток времени послышался её дрожащий от холода голос:

– Что-то долго нет заведующей. Пора бы уже появиться!

«Вот о чём она беспокоится», – мысленно отметил я и, чтобы поддержать разговор, тут же откликнулся:

– Может, дома её нет.

Хотя слова мои не очень чётко произносились, холод давал знать, но я всё же решил продолжить разговор:

– Не забывай, Валентина Петровна, как-никак наступал Новый год. Хорошо, вероятно, встретили его. Погуляли от души! Или могла уйти в гости встречать праздник и не вернулась домой. Осталась ночевать у друзей, а может, у родственников. Может, всё может быть! Ты разве не допускаешь такой вариант?

– Вполне допускаю, – слегка оживившись, глухим голосом проговорила Глухова.

– Вот-вот, – подхватил я разговор. – А сегодня тем более красное число в календаре. Люди отдыхают после встречи праздника. Некоторые, вероятно, уже продолжают отмечать праздник, повторно. По этой причине, видимо, мастерская тоже будет на выходном. Картина, конечно, не радужная.

– Нам-то, Рудольф Васильевич, от того, что заведующая где-то ночует или повторно начала отмечать праздник, не становится теплее, а наоборот. Холод, как назло, всё глубже и глубже, сильнее и сильнее проникает в моё тело. Скоро превращусь в ледовую бабу. Нужна будет тебе такая ледовая баба-криминалист? Ты как, мороз тебя не одолевает?

– Ещё как одолевает, Валентина Петровна! Думаешь, я соткан из другого теста? Видишь, ноги разогреваю. Пританцовываю. Учусь танцевать. А так ведь некогда учиться танцевать. Когда ногами двигаешь, кажется, не так мёрзнут они. Сам тоже слегка греешься. Когда собирался, не думал, что так холодно на улице. Жена моя предлагала обуть сапоги, но я отказался. Теперь чего жалеть, теперь надо терпеть. На будущее будет наука!

– Что-то долго нет кинолога Бакланова со своей собакой, – неожиданно перевела разговор на другую тему Глухова. В голосе сильнее чувствовалась дрожь от холода. – А может, они уже и преступника задержали и ведут сюда, как ты думаешь? – продолжая разговаривать, начала фантазировать Валентина Петровна. – Вот было бы здорово и красиво, не так ли? Вообще, может быть такое в самом деле, Рудольф Васильевич? Ты вот давно работаешь следователем, огромный опыт имеешь, разные случаи, разные истории были, наверняка, в твоей многолетней работе. Были или нет, скажи? – И Глухова свои вопрошающие глаза уставила на меня.

Я изумлённо и заинтересованно посмотрел на Валентину Петровну. «К чему это она клонит? От нечего делать или серьёзно?»

– Слушай, Валентина Петровна, что это тебя неожиданно потянуло на фантазию? Интерес появился или просто так, чтобы время коротать? Хорошо. Ну, предположим. Что из того?

– Скажи, может, всё же такое быть? Допустим или предположим, как в нашем случае: пока мы с тобой тут торчим, ожидая заведующую, которая никак не появляется, замерзаем от холода, а Бакланов со своей Ладой напали на след преступника. Преследовали его, в конечном итоге, задержали. И, ко всеобщему удивлению, ведут его сюда, к нам.

При этом преступник несёт на себе украденные вещи из мастерской, на радость нам всем. Такое чудо возможно? – Говоря это, Валентина Петровна не сводила с меня своих пытливых глаз, в которых, как я заметил, играло озорное любопытство.

– Ну ты, Валентина Петровна, выдумщица просто, невероятная фантазёрка! Надо же такое выдумать! Как такое могло прийти тебе в голову, а? А впрочем... – Я сделал небольшую паузу. – Подобное чудо, но не совсем такое, что ты тут нафантазировала, но очень забавная история произошла в моей практике прошлым летом. Что самое интересное – эта история произошла при моём непосредственном участии. Ты не поверишь!

– Рудольф Васильевич, ты это серьёзно? – вдруг воскликнула Валентина Петровна, и изумлённые её глаза моментально устремились на меня. – Решил, как обычно, подшутить надо мной, замерзающей женщиной, или в действительности был, как ты сказал, забавный случай? Ну ка, признавайся? Не выворачивай мою замёрзшую душу, давай, рассказывай! Ты меня заинтриговал, теперь сгораю от любопытства. Ты же знаешь, как я люблю слушать интересные, приключенческие истории! Пока ты не расскажешь эту историю, я не отстану от тебя. Понял?

Я многозначительно и с сосредоточенным видом посмотрел на неё и серьёзным тоном сказал:

– Ну, хорошо. Разве могу я отказать в просьбе такой милой, красивой женщине? – Я сделал небольшую паузу, как бы раздумывая. – Только вот не знаю, как быть?

Вдруг Валентина Петровна всерьёз забеспокоилась. Заинтересованные глаза её забегали по моему замёрзшему лицу.

– Рудольф Васильевич, а что, возникла какая-то проблема? – хитро заглядывая уже в упор мне в глаза, поспешила спросить.

– Как тебе сказать? – сделав на своём замёрзшем лице глубоко таинственный и интригующий вид, проговорил я. – Для изложения подобной истории положение, в котором мы сейчас находимся, не совсем удачное, а скорее всего – неудобное. Точнее если выразиться – неподходящее! На улице холодно, и к тому же мы уже с тобой доходим до критического состояния от холода. У меня язык-то не очень проворным стал, и ноги уже почти ооченели. Вижу, и ты, Валентина Петровна, не в лучшем состоянии находишься, не так ли? Удовольствия никакого не получишь, и рассказ покажется серым, унылым и неинтересным. Подумай об этом. Стоит ли начинать?

– Ты, конечно, прав, Рудольф Васильевич, что обстановка, я скажу, не совсем удачная и, как ты выразился, неподходящая. Это верно! Какая незадача, а? Как жаль! Рудольф Васильевич, – вдруг торопливо заговорила Валентина Петровна, – а что, если, пока нет хозяйки данного заведения и ещё неизвестно, сколько времени нам придётся её ждать, пойти в кафе, а?

Как я успела заметить, к нашему счастью, кафе открыто. Уже есть там посетители, по-видимому, рабочие завода. Попью чаю или кофе. Заодно согреемся, а ты будешь рассказывать свою загадочную историю. Я, как прилежная ученица, во все уши буду слушать и, наслаждаясь, буду летать в облаках! Как моё предложение? – При этом весь её замёрзший вид превратился в один вопросительный знак.

Я машинально кивнул головой, соглашаясь.

– Отличное предложение, Валентина Петровна! В данный момент то, что нам нужно! Как же ты раньше не предложила? Рядом наше спасение, а мы тут замерзаем. Давай, вперёд! – Мы зашли в кафе. Сели за столик, расположенный ближе к окну с видом на мастерскую, и заказали кофе. Я попросил для себя очень горячий.

Кроме нас в зале было ещё трое посетителей. Тёплый зал, горячий кофе сделали своё дело. Охвативший всё моё тело холод, постепенно, хотя не очень охотно, стал покидать его, и по всему телу поползло приятное тепло. От тепла меня тут же потянуло в сон.

– Ну как, Рудольф Васильевич, согрелся? – неожиданно, как в тумане, прозвучал голос Валентины Петровны. – Не пора ли начинать рассказ? – Я полусонными глазами посмотрел на неё. Глаза Валентины Петровны сверлили меня, требуя ответа.

– Согрелся, ещё как! Как будто и не было мороза, – ответил я, постепенно приходя в себя. – Раз обещал, я готов начинать рассказ.

– А я готова слушать, – опережая меня, высказала Валентина Петровна.

– Тогда слушай...

...Отмечали в самый разгар лета и в прекрасную погоду замечательный праздник наших славных металлургов – День металлурга.

Виновником праздника был брат моей жены, Виктор, который на протяжении многих лет, можно сказать, как только отслужил в армии, работает металлургом на нашем металлургическом заводе. Что удивительно, работая металлургом, он металл впоследствии превращает в порошок, очень нужный для машиностроения. Но это детали. Предисловие.

Суть моего рассказа совсем другого характера. Праздник проходил в ресторане «Встреча». Пробыли мы в ресторане до его закрытия. Один мой знакомый товарищ согласился развезти нас по домам. Мы живём в разных местах. Сначала решили завезти домой Виктора, так как он живёт в посёлке Казачьем, в своём доме. Время перевалило за полночь, когда мы подъехали к его двору. Ночь была тёплая, я бы добавил, душная, но очень тёмная, хоть глаза выколи. Хотя небо было усыпано звёздами.

Подъехали ко двору. Мы: я, моя жена, подруга моей жены Евгения Мальцева – все вышли из машины, чтобы попрощаться с Виктором. Виктор, вместо того чтобы проститься, предъявил нам ультиматум, типа того, что все мы должны зайти к нему во двор и выпить по бокалу шампанского, которое хранится у него в холодильнике. Кто бы отказался от такого предложения? Да никто! Тем более всем хотелось чего-то прохладненького. А тут – охлаждённое шампанское!

Всей гурьбой мы двинулись за Виктором к калитке двора. Подходим к калитке и неожиданно в темноте замечаем, примерно в одном метре от неё, сбоку, у самого забора, лежащего на земле человека. Он, правда, не совсем лежал, а полулежал, облокотившись на большой узел. В темноте нельзя было определить, спит он, или лежит, или отдыхает.

При нашем появлении никаких движений с его стороны мы не заметили, и поэтому у нас создалось впечатление, что человек спит. Чтобы убедиться, спит он или нет, у нас ни у кого не было фонаря. Тогда я попросил нашего водителя включить фары машины и направить свет на него. При свете фар мы увидели, что человек спит. При виде большого узла с вещами, к тому же у самой калитки двора, у меня инстинктивно, как у профессионала, в голове мелькнула подозрительная мысль: «Не ворованные ли вещи?»

Виктор тоже, по-видимому, заподозрив что-то неладное, резко повернулся и, не сказав ни слова, быстро двинулся к калитке. Нажал на ручку двери. Калитка свободно открылась. Мы все удивлённо направили свои взгляды на растерявшегося Виктора.

Вдруг Виктор с тревогой в голосе проговорил:

– Я ведь перед уходом из дома замыкал калитку! Почему же она оказалась открытой? Ничего не понимаю. – Внезапно Виктор сделал шаг в сторону калитки, решительно вошёл во двор и бегом направился к входной двери дома...

Через какое-то время в темноте, со стороны крыльца дома, раздался обрадованный голос Виктора:

– Ух-х! Слава Богу, взлома нет, дверь замкнута!

– Окна как? Ты окна проверил? – крикнул я в сторону Виктора, который всё ещё находился во дворе дома.

– Ой, на радостях, забыл про окна! – прозвучал в темноте голос Виктора.

В темноте раздались шаги Виктора. Мы поняли, что Виктор пошёл проверять окна. – Окна целы! – крикнул Виктор, находясь возле окна со стороны улицы. Услышав сообщение Виктора, мы все свободно вздохнули. И возникшее у нас напряжённое состояние стало постепенно падать.

Я замолк, чтобы глотнуть кофе, так как в горле у меня пересохло. Не успел сделать нормальный глоток, тут же прозвучал тревожный, требовательный голос Валентина Петровны.

– А что дальше было? Это ведь не всё, Рудольф Васильевич? Ну, давай, рассказывай, что дальше было?

Я сделал несколько глотков, после поднял глаза на Глухову и с молящим взглядом проговорил:

– Валентина Петровна, побойся Бога, дай хоть нормально кофе попить. В горле совсем пересохло, и к тому же кофе застывает. У меня язык не поворачивается. Я не люблю холодный кофе. – Я повернулся в сторону бара, где в это время находилась официантка, и попросил принести мне горячий кофе.

Воспользовавшись тем, что я кончил говорить с официанткой, Глухова тут же принялась за своё.

– Ты же сделал несколько глотков кофе. Этого разве мало? Давай, дальше, дальше, рассказывай! – с явным упорством требовала Валентина Петровна, не спуская своего требовательного взгляда с меня. Через некоторое время официантка принесла кофе. Я сделал несколько глотков и хотел, было, раскрыть рот, чтобы продолжить рассказ, но в этот момент через окно я заметил выходящую из машины заведующую мастерской и с ней посланного за ней Дёмкина.

– Продолжение рассказа, к сожалению, Валентина Петровна, откладывается на неопределённое время по не зависящей от меня, но всем нам известной причине.

Глаза Валентины Петровны неожиданно округлились, как у окуня, и она состроила, как из пулемёта:

– Какая ещё причина, Рудольф Васильевич? Что ты имеешь в виду? Ничего же не мешает. Ты нормально замочил горло...

– Валентина Петровна, – сказал я, не дав ей дальше продолжить говорить, – ты, не забыла, где находишься? Зачем мы тут, и что нам надо делать? Очнись! Пора делом заниматься! – и я показал рукой в сторону мастерской.

– И это всё? – только и выдавила она, явно расстроенная, направив свой взгляд в сторону мастерской.

– Пока, да. Видишь, привезли заведующую, надо идти, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

– Рудольф, продолжение истории можно на ходу изложить в двух-трёх словах, а? – умоляюще заглядывая мне в глаза, проговорила Валентина Петровна, направляясь со мной к выходу из кафе.

– К сожалению, уважаемая Валентина Петровна, в двух-трёх словах не получится. Прости. Во-первых, эта история длинная, и нужна подобающая обстановка; а во-вторых, я не успею произнести несколько слов, как мы окажемся возле мастерской. Это ничего не даст. Только сильнее расстроишься. Не забывай, по какой причине мы тут находимся. Сейчас работа важнее, чем всё остальное. Мы должны не только произвести осмотр, но и постараться установить виновника ночного происшествия. А это, товарищ эксперт, требует огромных физических, умственных, творческих усилий. Все силы, знания, умы мы сейчас должны направить в одном направлении: установление преступника и его задержание. Усекла?

– Усекла, усекла, товарищ следователь! Будем стараться!

– Отлично, товарищ криминалист! Тогда вперёд!

* * *

Мы подошли к мастерской, где находились заведующая и Дёмкин. Как принято в таких случаях, мы представились. После, как полагается, поздравили друг друга с наступившим

Новым годом. Пожелали здоровья, успехов в труде, и по окончании ознакомительно-поздравительной церемонии я обратился к заведующей мастерской, пристально заглядывая ей в глаза:

– Зинаида Ивановна, скажите, ваша мастерская охраняется?

Заведующая машинально кивнула головой и поспешила ответить:

– Да. Я сама лично запираю двери мастерской перед уходом домой, и сторож остался внутри. У нас был такой договор.

Такое заявление заведующей мастерской привело меня в тупое недоумение, и мой странный взгляд невольно упал на неё. «Что-то новое в моей практике. Воистину, нет предела человеческой выдумке!» – подумалось мне.

– Это как – сторож не может выходить из здания? Разве вы не оставляете ему запасные ключи? – продолжая находиться в удивлённом состоянии, поспешил задать я вопрос.

Зинаида Ивановна как бы вначале растерялась, но вскорости она опомнилась и быстро, как бы оправдываясь в содеянном поступке, проговорила:

– Нет. Не может выходить. Простите, Вам, вероятно, покажется глупым и нелепым, но так мы со сторожем решили. Запасные ключи тоже не оставляю. На то есть веская причина. Я Вам сейчас всё объясню, Рудольф Васильевич.

– Уж постарайтесь, пожалуйста. Очень даже интересно послушать.

– Раньше, то есть до первой кражи – Вы должны быть в курсе того события – ключи от мастерской оставляла сторожу. Но после первой кражи, когда сторож ушёл домой, оставив мастерскую открытой, ключи сторожу не стала оставлять.

Слушая её объяснение, я всё больше и больше недоумевал.

– Да, да. Я слышал о той краже. Но скажите, пожалуйста, как же быть сторожу в случае непредвиденной ситуации?

– Я поняла Вас, Рудольф Васильевич! – обрадованно воскликнула заведующая, видимо, подумала, что я одобряю её действия. – У нас в мастерской есть телефон. Он может вызвать меня, милицию, пожарных. На естественные нужды в мастерской есть туалет. Так что он не совсем изолирован от внешнего мира. А что делать – другого выхода я не вижу. Ругайте меня, не ругайте, но без охраны оставлять мастерскую я тоже не могу. Это – большой риск. Ценности у нас немалые. Все эти ценности висят на мне. Отвечаю я за них.

Я пристально посмотрел на заведующую, прежде чем задать интересующий меня следующий вопрос:

– Скажите, Зинаида Ивановна, а что, если телефон не будет работать? Ну, мало ли, бывает. Связь оборвалась по какой-то причине, или просто поломался, и так далее. Насчёт пожара я уже молчу. Как тогда быть сторожу?

Зинаида Ивановна только пожала плечами, тупо уставившись своими серыми глазами на меня. Видимо, не знала, что ответить. Так я понял её молчание.

– Скажите, Зинаида Ивановна, такой вариант Вы сами придумали или кто Вам подсказал?

– А что, нельзя подобным образом поступать, Рудольф Васильевич? – неожиданно задала вопрос заведующая.

– А как Вы сами думаете?

– Что я думала? Я хотела, как лучше. А Вы, Рудольф Васильевич, как поступили бы на моём месте?

Я решил ей помочь. Как говорят в народе: «На старуху тоже бывает проруха».

– Вы так сильно теперь не переживайте. Что было, то было. Ничто не вечно под Луной. Выход есть, Зинаида Ивановна.

– Какой же, Рудольф Васильевич? – моментально подхватила Зинаида Ивановна, при этом сразу засияли даже её глаза.

– Элементарно! Так ответил бы Шерлок Холмс на вопрос доктора Ватсона! – сказал я, чтобы отвлечь заведующую от переживаний. – Слышали о таком величайшем сыщике, Зинаида Ивановна?

Зинаида Ивановна виновато опустила глаза и промолвила:

– Не слышала про вашего Шерлохолса.

– Зинаида Ивановна, не Шерлохолс, а Шерлок Холмс. Был такой английский сыщик. Будет время, обязательно почитайте книгу про Шерлока Холмса. Очень интересная книга. Подсказываю. Заключите с вневедомственной охраной договор об оказании услуги по охране вашего предприятия, и тогда всё будет в порядке. Дешевле будет, просто и надёжно! Сторож совсем не нужен будет. Подумайте, Зинаида Ивановна, о моём предложении. Не надо будет огород городить на пустом месте. Это будет для Вас элементарным выходом.

– Спасибо за подсказку, Рудольф Васильевич! Как же я раньше не подумала! – стала корить себя Зинаида Ивановна. – Может, этой-то беды бы не было и в прошлый раз, и сейчас! «Просто и надёжно. Просто и надёжно», – повторяла заведующая мои слова, не глядя ни на кого.

– Не расстраивайтесь, Зинаида Ивановна. Что было, то было, быльём поросло. Так ведь говорят в народе? Всё у Вас впереди, – посочувствовал я ей. – Давайте-ка лучше, откроем мастерскую. Посмотрим, не нарушена ли внутренность замка. Ключи у Вас с собой?

– Да.

Зинаида Ивановна достала из сумки связку ключей, вставила в скважину замка один из них. Дважды повернула его, и дверь открылась свободно.

– Замок не нарушен, – послышался довольный голос хозяйки.

– Можно заходить?

– Конечно, конечно, – сказал я, и все мы, четверо, зашли в мастерскую. В мастерской мы, в первую очередь, осмотрели залы, комнаты, туалет, но сторожа нигде не обнаружили.

– Валентина Петровна, ты своё дело знаешь, – сказал я эксперту. – Проверь тщательнейшим образом все столы, шкафы на предмет отпечатков пальцев. Особенно проверь стекло, вынутое из окна. Может, чего накопишь, старайся! Я, Дёмкин и заведующая займёмся осмотром помещения и товаров.

Мы сначала осмотрели кладовую, где хранились материалы, а после осмотрели швейный зал и готовые изделия. Со слов заведующей, из мастерской похищены дефицитные товары: отрезы кримплена и трикотина, готовые платья из кримплена.

... Читателю должен пояснить, почему эти материалы были дефицитными. К началу восьмидесятых годов прошлого столетия, в советскую эпоху, появились новейшие материалы под названием «кримплен», «трикотин». Они были очень красивы.

Женщинам очень нравились эти ткани. Их трудно было достать. Нужны были связи, знакомства. Эта мастерская занимала среди других ателье-мастерских особое положение. Как сейчас принято говорить, «элитная». Там и шили в основном платья, кофты, юбки из этих дефицитных материалов.

– Два платья из кримплена, готовых, должны были забрать перед Новым годом, – стала объяснять заведующая. – За первым платьем не пришла заказчица, а на втором платье обнаружили при примерке недоделки и оставили доделывать. Этих платьев тоже не оказалось в мастерской.

После, как осмотрели кладовку и швейный зал, я спросил у заведующей:

– Зинаида Ивановна, скажите, как у вас с хранением денег, целы ли они?

– Пойдёмте со мной, Рудольф Васильевич, в мой кабинет, – предложила заведующая и направилась к кабинету. Я и Дёмкин последовали за ней. В кабинете Зинаида Ивановна показала на сейф, стоящий на небольшой низенькой тумбочке.

– Видите, сейф цел и невредим, – проговорила заведующая, обратив свой взор на меня. – Ключи от сейфа всегда держу при себе. – Зинаида Ивановна достала из сумки ключи от сейфа и отомкнула его.

– Я не вижу денег в сейфе? – сказал я.

– Да. Так и есть, – подтвердила Зинаида Ивановна. – Я, Рудольф Васильевич, деньги на ночь или на выходные в сейфе не оставляю. Крупную сумму сдаю инкассаторам, а мелочь забираю с собой.

– Хорошо. Значит, с деньгами у вас всё в порядке?

– Да.

– Претензий не будет?

– Нет. Не будет.

– Ну что ж, с одной проблемой вопрос решили. Это похвально с Вашей стороны, Зинаида Ивановна! С деньгами надо обращаться аккуратно и серьёзно. Я хотел бы дать Вам совет. Ни в коем случае крупную сумму денег не храните в этом сейфе и не берите с собой. Учтите, пожалуйста!

– Нет, нет! Я большие суммы денег никогда не беру с собой. Ко мне дважды в день приезжает инкассаторская машина. Я сдаю их им. Домой я никогда таких денег не брала. Небольшая сумма, образующаяся после инкассаторов, – вот эту сумму забираю, на всякий случай.

– Хорошо, Зинаида Ивановна. Сейчас ответьте мне на такой вопрос: сторож, который дежурил в эту ночь, тот же, что дежурил в прошлую кражу?

Зинаида Ивановна изумлённо посмотрела на меня.

– А Вы разве не знаете?

– О чём я должен знать, Зинаида Ивановна? – уже я с удивлением спросил у неё.

– Тот сторож, который дежурил в прошлую кражу, на следующий день после кражи умер.

– Как умер? Что-то случилось с ним?

– Подробностей не знаю, но, как мне сообщили, якобы он был сильно пьян и во время сна задохнулся рвотной массой.

Я сделал строгий и серьёзный вид.

– Вы, Зинаида Ивановна, разве не присутствовали на похоронах?

– Нет. Меня никто не известил о его смерти. Я узнала только после его похорон.

– Интересно, интересно, – задумчиво проговорил я, глядя в окно, где в это время задралась голуби из-за куска хлеба. – Кто же сторожил мастерскую, когда сторожа не стало?

– Никто, – как-то неуверенно, слегка стеснительным тоном, проговорила заведующая. – Мне самой пришлось один раз сторожить. Второй раз вообще не было никого. Это длилось недолго, всего три ночи...

– Простите, Зинаида Ивановна, что перебиваю. Расскажите про умершего сторожа более подробно: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства. Ну, и охарактеризуйте его?

Услышав мой вопрос, Зинаида Ивановна как-то странно посмотрела на меня. Меня это удивило. Потом она открыла ящик письменного стола, порывшись в нем, достала ученическую тетрадь. Полистала её и, глядя на исписанный лист, произнесла:

– Лупов Сидор Петрович, тысяча девятьсот двадцать восьмого года. Живёт в нашем городе на улице Каменной 9. Знаете, Рудольф Васильевич, характеризовать-то его по существу я не могу.

Я разочарованно посмотрел на Зинаиду Ивановну.

– Есть на то какая-то причина? Он ведь у Вас работал, и Вы должны же знать хоть что-то о нём? Я ведь не требую, чтобы Вы мне рассказали, как он вёл себя вне мастерской или в домашней обстановке. Расскажите, как есть. Как дежурил: хорошо или плохо. Чем занимался во время дежурства: пьянствовал, спал и так далее.

Зинаида Ивановна внимательно выслушала меня и произнесла:

– Это всё так. Как я могу сказать что-то существенное, если он у меня проработал всего около месяца. Приходил на дежурство и уходил, вот так мы встречались. Могу сказать, что на работу он приходил исправно. Вот всё, что могу сказать о нём.

– Ну, хорошо. Если Вам нечего сказать о нём, то расскажите хоть, как у Лупова обстояло дело с алкоголем?

Дружил он с ним или наоборот? Боролся он с ним не на жизнь или на смерть? Или наоборот?

Мой последний вопрос явно рассмешил Зинаиду Ивановну.

– На этот вопрос я отвечу без затруднений. Употреблял. Приходил, бывало, на работу «хваченный» и уходил с работы тоже иногда с запашком. Водился за ним этот грешок. Чего греха таить – что есть, то есть. Вот так он боролся с алкоголем. Видимо, недоборол, смерть одолела.

– Вот видите, говорили, что не можете дать характеристику. Оказывается, есть о чём рассказывать. Зинаида Ивановна, перед тем, как нам зайти в мастерскую, Вы сказали, что сторож Лупов в ночь кражи из мастерской ушёл домой, бросив мастерскую открытой. Помните?

– Да. Так и оно было.

– Тогда поясните мне, Вам удалось установить причину такого поступка сторожа? Что заставило Лупова уйти домой, бросив мастерскую на произвол судьбы?

На лице Зинаиды Ивановны отобразилось тупое изумление.

– Нет. Я сама хотела бы узнать причину такого поступка. Ума не приложу, почему Лупов поступил так.

– Разве о таком поступке Вы не поставили в известность правоохранительные органы? И что – милиция на кражу не приезжала?

– Конечно, в милицию я сразу же сообщила. Приезжали на ту кражу работники милиции, – как-то странно, неуверенно проговорила заведующая. – Всё проверяли, осматривали, допрашивали почти всех работников, но окончательного результата до сих пор я не знаю.

– Много товара тогда было похищено?

– Да. На приличную сумму. Не меньше, чем и сейчас. Много дефицитного товара тогда похитили.

– У Вас, Зинаида Ивановна, есть акт тогдашней ревизии?

– Конечно, есть! – обрадованно воскликнула заведующая. – Показать его Вам?

– Вы, Зинаида Ивановна, приготовьте мне этот акт ревизии по прошлой краже. Я его заберу с собой, то есть я его изымаю. А теперь дайте мне данные на настоящего сторожа, то есть теперешнего. Кто он такой? Почему он тоже бросил мастерскую?

Зинаида Ивановна протянула мне обычную ученическую тетрадь. Я взял её и открыл: «Журов Матвей Ильич, – прочитал я в тетради. – Тысяча девятьсот двадцать седьмого года рождения, пенсионер, живёт по улице Речной, 19».

Во время записывания данных на Журова в кабинет зашёл опер Бобов. Я мельком взглянул на него. Лицо его сияло, и сам весь был бодр и весел, как будто не было у него новогодней ночи. Совсем был другой человек. Приятно было смотреть на него. Как только зашёл в кабинет, сходу, громким голосом на весь кабинет выпалил:

– Вам не кажется странным, что стекло окна вынута так аккуратно, без порчи, и так же аккуратно и бережно прислонено к стенке? – Высказав, Бобов сияющими глазами обвёл нас и, остановив свой взгляд на моей физиономии, выкрикнул, – я Вам открыто и уверенно заявляю, что так мог поступить только сторож данной мастерской!

Я серьёзно, но с некоторым удивлением посмотрел на вознёсшегося до небес Бобова и слегка ухмыльнулся. Глаза у него продолжали сиять, а лицо изображало такое довольное выражение, как будто он раскрыл уже кражу.

– Отсюда следует вывод, – также восторженно и уверенно воскликнул он, – что кражу тоже совершил, кто вы думаете? Да, сторож!

Победоносная улыбка заиграла на всём его лице.

– Как вам моя догадка и великолепная версия! – воскликнул вдобавок.

Закончив говорить, Бобов с торжествующим видом снова окинул нас своим сияющим взглядом.

– Николай Никифорович, ты как всегда на высоте, на своём белом, великолепном коне! – похвалил я опера, сделав на своём лице притворно-весёлую улыбку. – Твоими устами пить бы только мёд и закусывать тоже тем же мёдом! Только вот жаль, что мёда тут нет. Искать его надо!

Неожиданно Бобов быстро-быстро заморгал глазами и деловым, серьёзным тоном выкрикнул:

– При чём тут мёд, Рудольф Васильевич? Ты что, не понял меня? Я говорю, что немедленно надо брать сторожа и колоть! Вот и вся кража! – Оставшись довольным своей сообразительностью, Бобов снова победоносно улыбнулся и кинулся штурмовать меня. – Что, я не прав? Скажи, прав я или нет?

В душе я снова ухмыльнулся, но сделал серьёзный вид и, чтобы не обидеть Бобова, миролюбиво сказал:

– Николай Никифорович, поменьше надо хотеть, а побольше думать, чтобы у нас с тобой не возникли разногласия, типа того: кто прав или кто не прав. Давай поступим следующим образом: чтобы проверить твою версию, как только вернётся участковый Иванченко, пошлём его к Журову. Пусть Иванченко поработает с ним. А если ты пожелаешь убедиться, кто прав, кто нет, то можешь присоединиться к нему. Вдвоём будет веселее и надёжнее. Результат будет конкретный и однозначный. Согласен? Не отпирайся, по глазам твоим вижу, что ты согласен, не так ли?

– Я согласен, – не совсем уверенно прозвучал ответ Бобова.

– Вот и хорошо. Пока нет Иванченко, доложи-ка, какие сведения удалось выудить у сторожа кафе «Металлург» и у постового проходной завода?

Бобов слегка ухмыльнулся, лицо его приняло смешное выражение, и с улыбкой на губах он сказал:

– В том то и беда, товарищ следователь, что всевидящие ока ночного сторожа кафе в эту замечательную новогоднюю ночь оказались невидящими!

Я подозрительно и явно изумлённо посмотрел на Бобова. «Решил и тут выделиться!» – подумал я, глядя на весёлого опера.

– Как предлагаешь понять твои слова, товарищ опер? Растолкуй, пожалуйста.

Бобов с ухмылкой ответил:

– Понимай хоть в прямом смысле, хоть – в косвенном.

– Ты, Николай Никифорович, ненароком, не пропустил в свою душу «хмельного»? Уж очень твой язык на то похож. Мелет, что вздумается. Сторож что, действительно оказался слепым? Как же его приняли на работу? Вот это новость! Такой случай в моей практике тоже впервые. Как же он работает, не видя ничего? Ты, Бобов, шутить надумал?

Довольная улыбка расплылась на лице Бобова.

– Я пошутил, Рудольф Васильевич. Это, конечно, шутка! А ты подумал, что я всерьёз?

Я всерьёз рассердился на Бобова.

– Нашёл время шутить! Не до шуток сейчас, говори по делу! Тоже мне шут гороховый нашёлся!

Бобов, чтобы исправить свою оплошность, быстро, уже без лишнего юмора, нормально, как подобает, проговорил:

– Он, конечно, не ослеп, даже чересчур был зрячий. За ночь не пропустил ни одной полной рюмки. В результате, как говорят в народе, оказался «пьян в стельку». Дрыхнет, не

пришёл ещё в себя. Не получилось у меня с ним человеческого разговора, а только животное мычание исходило от него.

– Хорошо. Ты, Николай Никифорович, о стороже не забывай. С ним, так или иначе, придётся состыковаться. Он может быть важным свидетелем! А что говорят... – успел только произнести я, как к нам в кабинет ворвался, как бешеный, запыхавшийся, как будто какое-то страшилище гналось за ним, кинолог Бакланов. Пот мелкими ручейками стекал по его раскрасневшемуся лицу. И не успев толком закрыть за собой дверь, сходу, едва переводя дыхание и боясь, что тут же издаст последний выдох, выкрикнул:

– Рудольф Васильевич! – успел только произнести, и неожиданно голос его прервался.

Дыша из последних сил, он насильно проглотил слюну и пытался возобновить разговор:

– Сначала собака повела по следу к речке Гнилуша... – снова голос прервался, и он стал шарить глазами по кабинету – как я догадался, искал воду.

Я, поняв, что Бакланову трудно говорить из-за сухости в горле, быстро поднялся, подошёл к шкафу, где стоял графин с водой. Налил в стакан воды и подал Бакланову.

– Анатолий, давай-ка, выпей воды и постарайся успокоиться. Отдышись, расслабься и, как успокоишься, расскажешь всё подробно! Договорились? – Бакланов молча кивнул головой, соглашаясь. – А теперь пей! Пей не спеша. Мало будет, я ещё налью.

Бакланов мгновенно дрожащей рукой схватил стакан и одним дыханием опорожнил его. Не успел сделать последний глоток, тут же протянул стакан мне за следующей порцией. Я налил ему полный стакан. Он выпил второй стакан. Поставил его. После сделал небольшую паузу, видимо, успокаивал себя. И, наконец, сделал глубокий вдох и только тогда заговорил:

– Новый год же был. Ну, сами должны понимать. Ночь без сна. Тут ещё рано подняли... Жажда, жажда... замучила!

– Ты, Анатолий, давай, успокойся. Когда почувствуешь себя в норме, начинай рассказывать.

Мы все притихли и стали ждать. Бакланов несколько секунд сидел без движения. Потом рукавом куртки вытер пот с лица.

– Я всё, успокоился, – сказал Бакланов примерно через минуту.

– Вот и отлично, Анатолий! Ты не спеши. Расскажи всё по-порядку.

– Я и говорю последовательно, что сначала собака повела по следу к речке. Потом пошла вдоль речки в сторону насосной, а от насосной вышла на мост через эту же речку. На мосту Лада потеряла след. Там уже было много разных следов: как людских, так и автомашинных. Я дал собаке немного отдохнуть. И сам заодно отдохнул. После отдыха я решил повторить след. Начал снова от мастерской. Собака точно, как и в первый раз, довела до речки. На этом месте, куда она довела меня, я случайно поскользнулся и упал. Стал подниматься и тут вижу, что под мной лежит носовой платок. Раньше, то есть первый раз, когда Лада привела меня к речке, этого платка на этом месте не было, то есть я не видел. Потому что он лежал под снегом, и не видно было.

Перестав говорить, Бакланов полез в карман куртки и оттуда достал скомканный носовой платок.

– Вот этот платок! – сказал он и протянул его мне. Я развернул его: платок обыкновенный, носовой, хлопчатобумажный, светлого цвета с чёрными крапинками по всей поверхности материи. По внешнему виду платок выглядел не свежим, был в употреблении.

Когда я закончил визуальный осмотр платка, заговорил Бакланов:

– На всякий случай, я этот платок дал понюхать собаке. Как она обнюхала, дал команду: «След!» Она обнюхала место, где лежал платок, и вдруг резко пошла совсем в другую сторону по чистому снегу. Собака повела меня вдоль речки в обратном направлении. Я последовал за ней, придерживая собаку за поводок, так как она очень резво побежала по следу. Когда мы

двинулись по новому следу, нас догнал Иванченко. Вначале собака вела вдоль речки, и когда мы прошли довольно-таки приличное расстояние, она резко повернула влево от речки, как бы в сторону заводского забора.

Правда, забора от речки не видно было, так как мешали холмы и крутые бугры. Мы прошли по этим холмам и буграм, пересекли пешеходную тропу, и собака привела нас к заводскому забору. Везде лежал чистый снег. Возле забора собака остановилась, и больше, как я ни старался и ни пытался направить на след, никуда от этого места сдвинуть не удалось. Смотрит на меня молящими глазами, как будто просит, чтобы я её не заставлял больше искать следов. Я не стал больше её тревожить.

Закончив говорить, Бакланов посмотрел на меня, видимо, пытаясь понять, какое впечатление воспроизвело его сообщение на меня, или ожидая моего нового указания.

Я с полным одобрением посмотрел на Бакланова и спросил:

– Где сейчас Иванченко?

– Иванченко и моя собака остались там, возле забора. Хотел было Иванченко прийти сюда, но меня так сильно мучила жажда, что я и прибежал сюда, чтобы заодно сообщить вам о проделанной работе.

– Ты совершенно правильно поступил, Анатолий. Я доволен. Вы с Иванченко проделали очень большую и полезную работу. Теперь скажи-ка мне, Анатолий, собака твоя вела тебя постоянно по чистому снегу, не было ли на вашем пути других следов?

– Собака шла постоянно по чистому снегу. Никаких следов обуви по пути следования, на поверхности снега, не попадались.

– Отлично, Анатолий! Ещё хочу уточнить. По пути следования собака не сбивалась?

– Нет, нет, Рудольф Васильевич. Как она взяла след возле речки, где я нашёл носовой платок, так, не останавливаясь, без передышки, не сбиваясь с пути, привела до заводского забора.

Бакланов сделал передышку. Взял стакан с водой и сделал несколько глотков. Потом посмотрел на меня и сказал:

– Не знаю, заинтересует ли Вас, Рудольф Васильевич, одна небольшая деталь?

– Говори, говори, Анатолий, я внимательно слушаю. Помни, Анатолий, для меня важна любая деталь, любая мелочь.

– На том месте, где я обнаружил носовой платок, под присыпанным снегом я заметил еле различимые следы обуви. Рассмотрев следы, я пришёл к такому выводу. Вы не будете смеяться?

– Анатолий, сейчас всё важно, не до смеха. Давай, выкладывай!

– Человек шёл по выпавшему снегу, то есть снег уже лежал на земле. По свежему снегу шёл человек, а по прошествии определённого времени его следы присыпало снегом.

Я с благодарностью посмотрел на кинолога. «Ты даже не представляешь, какое ценное сведение сообщил мне», – мысленно отметил я и вслух произнёс:

– Молодец, Анатолий, за наблюдательность и за ценное сведение! Теперь скажи-ка мне, следопыт, как по-твоему, снег под следами обуви был толстый или только слегка был присыпан землёю? Ты понял смысл моего вопроса?

– Я понял Ваш вопрос, Рудольф Васильевич. Под следами обуви толщина снега была небольшая. Видимо, снег пошёл недавно. Я думаю, человек шёл после того, как пошёл снег.

– Хорошо. Я хочу выяснить ещё такой момент. По следам ты не определил, куда шли следы: в сторону заводского забора или наоборот, то есть к тому месту, где нашёл ты носовой платок?

– Я могу Вам точно и твёрдо ответить на заданный Вами вопрос. Можете верить моим словам, что следы уходили от места обнаружения платка в сторону заводского забора, то есть

следы вначале шли вдоль речки Малая Гнилуша, а уже потом только свернули в сторону заводского забора. Я сам лично проверял эти следы.

– Отлично, Анатолий! Мысли твои очень интересные и толковые.

«Очень интересное открытие! – мысленно отметил я. – Что же получается? Сторож – если это был он – с вещами шёл в ту сторону, когда только пошёл снег. Потому остались следы на снегу. Снег шёл всю ночь и утро. К утру засыпало следы снегом. Когда шёл, вероятно, случайно потерял носовой платок. Платок тоже был засыпан снегом. Возникает вопрос, каким же образом тогда сторож или некто попал обратно в мастерскую? Ведь следы обуви от мастерской до речки свежие, только чуточку присыпаны снегом. А следы, обнаруженные кинологом после обнаружения платка, полностью засыпаны снегом. От речки, то есть назад, к мастерской, следов ведь нет. Вот так задачка! Может, это совпадение? Мало ли кто мог пройти ночью вдоль речки? Потерял платок. Ладно, зачем сейчас ломать голову. Надо идти к Иванченко. Там видно будет».

– Рудольф Васильевич! – прозвучал голос Бакланова. – Почему Вы молчите? Надо же что-то делать? Иванченко уже заждался, небось.

Я так погрузился в свои мысли, что забыл, где нахожусь. Ответил, не задумываясь:

– Ну, хорошо! Ты, Анатолий, что-то хотел предложить нам?

Бакланов удивлённо посмотрел на меня и недовольным тоном проговорил:

– Я? Я ничего не предлагаю и не собирался предлагать. Я сделал свою работу и доложил вам обстановку. Дальше, вы сами решайте, что делать.

– Да, да! Решено! Идём туда! Разберёмся на месте. Валентина Петровна! – позвал я криминалиста. – Оторвись на некоторое время от своей плодотворной, полезной для нас работы. Поговорить надо!

Через несколько секунд в кабинет вошла Глухова, держа в руке дактоплёнку.

– Если разговор пойдёт насчёт отпечатков, то я вас могу обрадовать. Хорошие отпечатки пальцев остались на вынутом стекле. Вот смотрите! – и Валентина Петровна протянула мне дактоплёнку. Я взял в руки плёнку и направил на свет.

– Прекрасные отпечатки! Теперь остаётся нам установить, кому они принадлежат. На других объектах есть что-нибудь подходящее, нам нужное?

– На рабочих местах швей есть отпечатки, но, вероятно, они принадлежат швеям.

– Хорошо. Всё равно, Валентина Петровна, надо проверять всех, без исключения. Хорошо?

– Я поняла. Что ещё хотел от меня, Рудольф Васильевич?

– Валентина Петровна, ты пока занимайся тут. Может, что-то ещё накопишь. Мы с Бобовым пойдём с Баклановым. Тебе на помощь оставляю Дёмкина. После, как закончишь свои дела тут, вернись в отдел. Думаю, твоя помощь там, куда мы сейчас пойдём, возможно, не пригодится. Постараемся обойтись без тебя. В случае чего, я сумею сохранить отпечатки пальцев. И последнее – не знаю, поддержите вы меня или нет, но я считаю своим долгом предложить вам вот что: сегодня первый день Нового года, у страны нашей выходной день, и продолжается праздник. Мы ведь тоже граждане этой великой страны, имеем право отметить праздник, и по сему нужно организовать праздничный стол. Я предлагаю это сделать в твоей лаборатории. Там более удобное место. Возражения есть? – Я посмотрел на ребят. – По вашим лицам вижу, что возражений нет. Тогда вот, возьми, Валентина Петровна, мой первоначальный капитал. – За мной свою долю отдали Бобов, Бакланов и присоединившийся к нам Дёмкин. – Мы постараемся вернуться к обеду. Помощником тебе будет Дёмкин.

* * *

На улице мороз спал. Потеплело. Установилась хорошая безветренная погода. Даже лучи солнца стали пробиваться через лёгкие облака. Мы от мастерской направились в сторону проходной завода. Не доходя до проходной метров двадцать, мы свернули вправо и стали подниматься по ступенькам к мемориальному комплексу, сооружённому в честь памяти погибшим в Великой Отечественной войне металлургам.

Комплекс располагался рядом с забором металлургического завода. Снег ещё не успели смести с памятных досок, и поэтому я не мог прочесть фамилии героев. Их тут не один десяток фамилий. Я мысленно поблагодарил руководство завода за этот прекрасный комплекс. Покинув его, мы вышли на пешеходную дорожку, протоптанную уже рабочими утренней смены. Прошли по дорожке метров триста и за поворотом забора увидели Иванченко с собакой. Мы свернули с пешеходной дорожки и пошли вдоль забора. Прошли ещё метров двести.

– Вот здесь! – рукой показал Бакланов, когда мы подошли к Иванченко с собакой. – К этому месту привела собака и отсюда ни на шаг. Видите, сидит до сих пор!

– Отличная у тебя собака, Анатолий. Утром, когда ехали к мастерской, смотря на Ладу, я вспомнил нашего Тре-зора. Лада и Трезор чем-то похожи друг на друга. Такой же преданный был хозяину. Если сказал хозяин сидеть, будет сидеть до тех пор, пока не поступит следующая команда.

– Где же сейчас Ваша собака, Рудольф Васильевич? – неожиданно задал вопрос Анатолий.

– А-а, – протяжно выдал я. – Так это было давно, во время службы в пограничных войсках. Не у меня была собака. Служебная. Хороших собак надо беречь, Анатолий. Береги её. Сам, пока разговаривал, окинул взглядом забор и местность.

«Что это значило бы? – мысленно задал себе вопрос после визуального осмотра забора. – Забор высокий, пожалуй, больше двух метров. Стена гладкая. Залезть на неё не так-то просто. Без навыков, без специальных приспособлений не каждый преодолет этот забор. Предположим, преступник пришёл сюда с вещами. Устал. Присел отдохнуть. Отдохнув, вернулся на пешеходную дорожку и пошёл, куда ему надо. Когда он сюда шёл, то, видимо, снег только-только пошёл, потому следов нет на снегу. Следы остались под толстым слоем снега.

А если он побоялся идти по пешеходной дорожке? По дорожке могли встретиться люди, и тогда он, боясь встречи с людьми, пошёл к забору. Перекинул ли вещи через забор? Это ещё вопрос. На мой взгляд, вряд ли перекинет. Высота приличная. Перелезть можно. Вполне реально! Но тут есть, одно «но»! Завод работает непрерывно, без выходных. На территории завода на каждом шагу случайно можно встретиться с рабочими. Это опасно! Стоп!

Что я тут строю разные предположения? Преступника ли эти следы? Мало ли – мог кто-то ночью идти вдоль речки, потерял ненароком платок, а? У нас ведь очень много воруют из завода. Мог человек выкинуть какую-то нужную ему деталь через забор, а ночью пришёл забирать эту деталь. Мог? Вполне мог!» Мысли снова рекой потекли в моей голове.

– Анатолий Борисович, – обратился я к кинологу, – ты не пытался обратно проработать след, то есть от забора до места, где обнаружил платок? Кинолог, услышав мой вопрос, уставился на меня своими удивлёнными глазами.

– Что я не так спросил? Почему ты молчишь? – спросил я. Бакланов, что-то промямлил, и я еле уловил одно слово:

– Нет!

– Товарищ Бакланов, если нет ко мне вопросов, давай за работу! Попробуй проработать след в обратном направлении, то есть от забора.

– Рудольф Васильевич, я уже пытался, – с лёгким недовольством возразил Бакланов. – Ничего у меня не получилось.

– Попытайся ещё раз, ну хотя бы до пешеходной дорожки. Расстояние небольшое.

Бакланов с неохотой подчинился. Пока он возился со своей собакой, я решил поговорить с Бобовым.

– Николай Никифорович, до меня дошли слухи – за достоверность, правда, не ручаюсь. Потому и говорю, «слухи». Только не перебивай меня, а то ты сейчас начнёшь меня пытаться: откуда, кто сказал, и так далее, и тому подобное. Не спрашивай, всё равно не услышишь от меня ответа. Ну, не смотри на меня так косо. Так уж быть, чтобы не терзался, облегчу твою участь. Скажу прямо, сорока принесла весточку на хвосте. Ты, говорят, если верить этим слухам и сороке, в молодости занимался, а может, и в настоящее время занимаешься, только мне неведомо, покорением горных вершин, то есть альпинизмом. Это, правда?

Я решительно посмотрел на Бобова, ожидая от него ответа.

– Что было, то было! – и неожиданно довольная улыбка озарила его лицо.

– Неужели и Кавказ покорялся тебе, Николай Никифорович? – чуть поддел я его самолюбие.

– До вершины Кавказа мне не пришлось добраться. Всё же, Рудольф Васильевич, откуда у тебя подробные сведения о моём альпинизме? Я как будто никому не рассказывал о своих похождениях на Кавказ.

– Откуда, откуда... Ты посмотри на себя. У тебя на лице всё это написано. Жаль, что тут нет зеркала, ты сам удивился бы, увидев своё лицо. Когда мы подошли к забору, и ты так увлечённо и заинтересованно присматривался на гладкую стену забора, прикидывал так и сяк, вот я и подумал, что ты без всяких снаряжений альпинизма преодолел бы высоту данного забора, так?

После моих похвальных слов глаза Бобова засияли, и на лице изобразилась довольная и широкая улыбка.

– Я не думал преодолеть этот забор, но прикидывал для интереса в уме, – ответил весело Бобов. – Это у меня привычка такая выработалась.

– Вот и отлично! – подхватил я, смотря на довольного опера. – В таком случае, Николай Никифорович, у меня к тебе есть одно очень интересное, полезное тебе занятие или, можно сказать, предложение: сможешь ли ты покорить данный забор без всяких там приспособлений альпинизма? Хотя этот забор не Кавказ, но всё же? Заметь, мы готовы оказывать серьёзную поддержку тебе! Ну, как?

– Я готов выполнить твою просьбу, товарищ следователь, но какую цель при этом ты преследуешь? Могу ли узнать? Если это пойдёт в пользу нашего общего дела...

– Есть в этом смысл, товарищ опер, есть! – поспешил я убедить Бобова, чтобы он не передумал выполнить задуманное мною. – В случае удачного покорения вершины данного забора перед твоим взором откроется часть заводской территории, и ты с высоты, пусть это будет не вершина Кавказа, должен заметить следы людских ног на снегу в пределах этого забора, а в худшем случае – разбросанные, похищенные вещи из мастерской. Довод мой достаточен, чтобы покорить забор, Николай Никифорович? – Я не успел договорить свою мысль до конца, как Бобов, быстро работая одновременно руками и ногами, в считанные секунды оказался на вершине забора. И с высоты двухметрового забора, окинув своим взором территорию завода, крикнул с восторгом:

– Вокруг, товарищ следователь, сколько могу обозреть, простирается белое снежное море! На поверхности моря не видны ни следы крушения корабля, ни следы людей, ни следы похищенных вещей! Можно теперь покинуть высоту?

Я с упавшим настроением безучастно бросил:

– Покидай высоту, раз она без пользы. Работа есть на земле. – Когда Бобов опустился на землю, я сказал ему, – с высоты смотреть на землю хорошо, прекрасно, но не всё можно рассмотреть с высоты. У нас ведь не орлиные глаза, и по этой причине мы должны обследовать всю эту местность, находясь ближе к земле. И по сему обойдём забор через проходную завода и вернёмся к этому месту, только уже с той стороны. Анатолий Борисович, – обратился я к кинологу, который находился возле своей собаки, – как обстоят дела? Нашлись следы? – Правда, пока я был занят с Бобовым, не видел, проверял след Бакланов или нет.

– Нет, Рудольф Васильевич, не нашлись. Лада не хочет отсюда уходить. Даже не пытается взять след.

Я разочарованно посмотрел на Бакланова и безо всякого интереса проговорил:

– Хорошо! На нет и суда нет! Можешь быть свободным. Возвращайся в отдел. А ты, Николай Иванович, – сказал я участковому, – посети ночного сторожа Журова. Проверь всё, что нас интересует. Подробно допроси. Особо нажимай, где похищенные вещи? Как закончишь работать со сторожем, возвращайся в отдел и поможешь Валентине Петровне. Примерно в два часа дня все должны быть у эксперта. Есть вопросы? Нет. Тогда действуйте!

* * *

– Слышь, Николай, – обратился я к Бобову, когда мы миновали мемориал погибшим металлургам и направились к главной проходной завода, – как ты думаешь, охрана завода справно несёт свою службу на проходной?

– Они для того несут службу на проходной, чтобы честно нести службу. На мой взгляд, придаться будет не к чему. Всё, как положено: «Пропуск! Куда идёте?» – безо всякого интереса к моему вопросу ответил Бобов. Как я понял из его ответа, Бобов, видимо, потерял всякий интерес к делу.

– Вон, смотри, как прошли те двое, что были впереди нас, заметил? – спросил я скисшего опера.

– Заметил. Как всегда: «Пропуск, куда идёте?»

– А я вот заметил совсем иное: их охрана даже не остановила, не говоря уже о пропусках. Они вошли в проходную и напрямиком, не останавливаясь, прошли её и вышли. Ни один из них даже не полез в карман за пропуском.

– Ну и что из того? Охранник, может, хорошо их знает в лицо и знает, где они работают.

– Может, и так. Посмотрим, как нас будут пропускать.

Мы подошли к проходной, зашли в неё. Охранник пенсионного возраста, увидев Бобова в милицейской форме, отдал честь и пропустил нас. Не пытался даже потребовать документов. Не спросил, куда мы идём, зачем? Допустим, Бобов был в милицейской форме. Я-то был в гражданской одежде.

– Убедился, как работает служба охраны завода? Красота! Заходи кому не лень, грабь, тащи, никому нет дела. Потому заваливают отдел телефонными звонками и письменными заявлениями о кражах. То-то пропало, то-то украли...

* * *

Завод жил своей жизнью: гудели моторы работающих машин, двигались по рельсам тепловозы, тащили за собой вагоны с грузом и без, порожняком. Лязгал, скрипел, пищал в цехах металл, скрипели, двигались краны разного калибра, сверкали там, тут дуги электрогазосварок, пели, жужжали пилы, режущие металл. Пар, дым, пламя мартеновских печей, шум, стук повсюду, сновали туда-сюда люди – кто в рабочих спецовках, кто в обычных одеждах. Куда-то спешили, торопились, каждый занят своим делом, и никому не было дел до нас, до двух чело-

век: одного – в гражданской одежде, другого – в милицейской форме, идущих по территории завода. Пока мы шли к предполагаемому месту, никто не встретился на нашем пути.

– Вот мы пришли! – сказал Бобов и показал рукой в сторону забора.

– Давай сначала обследуем прилегающую местность, примерно в радиусе десяти-пятнадцати метров, и постепенно сузим радиус осмотра, – предложил я. – Не надо забывать об одной вещи, товарищ опер. Когда человек шёл к забору, шёл снег. Потому следы человека остались под снегом. Их засыпало снегом.

– Хорошо, – огласился Бобов. – Учту!

При визуальном осмотре вокруг не было следов. В связи с праздником не все цеха завода работали, и поэтому рабочие ещё не появлялись в этих местах. Приблизительно в десяти метрах от забора находилось какое-то здание, видимо, заброшенное. Окна выбиты, дверей нет, одни пустые проёмы. На крыше зияют большие дыры.

– Николай, – предложил я, – давай проверим внутри это Богом забытое здание.

– Давай, проверим, – безоговорочно согласился Бобов.

Мы зашли внутрь. Пол во многих местах отсутствовал, виднелись только лежаки. По-видимому, доски утащили люди, кому они нужны были. Удобное место для уединения, но только вот в зимний период холодновато. Я дольше задержался внутри, пока осматривал все закоулки. Ничего не обнаружив интересного, вышел из здания. Ко мне подошёл Бобов.

– Рудольф Васильевич, пойдём со мной. – Я последовал за ним. Не доходя до забора примерно с метр, Бобов наклонился и показал рукой на снег. – Смотри, под рыхлым снегом следы обуви видны!

Я тоже нагнулся и пристально стал вглядываться в снег. Под рыхлым снегом, хоть не очень чётко, но увидел следы обуви. Я опустил на колени и аккуратно стал пальцами выгребать снег со следов. Отчистив несколько следов, хотя они были нечёткие, размытые, мы заметили их направление. Они шли вниз, по направлению к жилым домам города. Мы таким же способом определили, откуда шли следы. Следы отходили от забора. Но возле самого забора следов стало больше, прибавилось. Их стало много.

«Кто-то тут ходил? – подумал я мысленно. – Может, ходили? Ходили не так уж давно. Следы, как я определил, свежие. Но ходил, а может, ходили, после того, как пошёл снег, потому следы остались на снегу, а после их присыпало снегом. Неужели эти следы те же, что обнаружил Бакланов возле речки...?»

– Рудольф Васильевич, – неожиданно прозвучал голос Бобова, тем самым прервались мои размышления, – подойди ближе ко мне! – Я поднялся и направился к нему. – Смотри сюда! – сказал Николай, который стоял рядом с забором на глубине полуметра от поверхности земли. Забор на этом месте уходил вглубь земли примерно на пол метра, и потому между забором и землёй образовалось пространство шириной с метр. Я опустил к Бобову.

– Смотри, Рудольф Васильевич! – и рукой показал на решётку, прикрывавшую большую дыру в заборе.

«Интересно! – подумал я. – Для чего же сделана эта дыра в заборе и к тому же прикрыта плотной решёткой?» Пока я думал, Бобов подошёл вплотную к решётке и рукой потрогал её. Решётка свободно сдвинулась с места вдоль забора.

Тогда Бобов совсем сдвинул решётку в сторону. Перед нами показалась большая дыра в заборе, радиусом примерно сантиметров шестьдесят-семьдесят.

– Здесь кто-то был? – вслух произнёс Бобов и неожиданно, ничего не сказав больше, полез в проём. Следом за ним последовал и я...

* * *

– Ну, молодцы! Отличная работа! Хвала и честь вам! Поздравляю с удачным началом операции по раскрытию кражи из мастерской! – торжественно произнёс в наш адрес пришедший в криминалистическую лабораторию, где мы собрались отпраздновать первый день наступившего Нового года, наш начальник милиции, полковник Пашков Константин Дмитриевич.

Добрый, приветливый взгляд, добродушное, ласковое обращение со всеми сидящими за столом говорило о прекрасном настроении полковника. Был повод прекрасному настроению не только у начальника, но и у нас.

После праздничного тоста, произнесённого полковником, мы все с жадностью набросились на еду, так как были все голодны и всем хотелось кушать. Минут через десять, как был произнесён первый тост полковником, молчаливую тишину снова нарушил полковник:

– Как думаете действовать дальше?

Мы все разом, в один миг перестав кушать, обратили свои взоры на него. Первым заговорил Бобов:

– Товарищ полковник, мы перед Вашим приходом провели небольшое совещание и пришли к такому решению: организовать слежку, то есть дежурить возле ниши посменно, пока преступник или преступники не придут за похищенными вещами. Мы оставили в той нише похищенные вещи с целью, что за ними придут непременно! Подежурим пару ночей и дней, а дальше видно будет. – Бобов закончил говорить и взгляд свой обратил на полковника.

Мы тоже, затаив дыхание, стали ждать, что скажет начальник.

– Решение считаю правильным и поддерживаю! – сказал Пашков. – Да, надо подежурить. Надо их поймать с поличным. Получится отлично! Если нужна будет дополнительная помощь, помогу. Вы только определитесь конкретно, составьте график дежурства, кто с кем будет дежурить, и время. Только прошу соблюдать осторожность. Зря не рискуйте. Постоянно держите меня в курсе событий. Сейчас кто-нибудь дежурит возле ниши?

– Мы временно направили на дежурство кинолога Бакланова с собакой. Он накормлен, собака тоже. Побудет дотемна, потом сменим, – доложил Бобов.

– Хорошо! – сказал полковник. Он посидел с нами ещё минут тридцать. Пожелал нам всем в Новом году хорошего здоровья, успехов в работе, удачи, благополучия и ушёл.

Не успела за полковником полностью закрыться дверь, как прозвучал нетерпеливый и настойчивый голос Валентины Петровны:

– Ну, товарищ следователь, вот и настало долгожданное время и – что важно – создалась приятная обстановка для продолжения рассказа, начатого в кафе «Металлург». Все условия тут есть: тепло, светло, стол накрыт, слушатели есть. Обещание своё надо исполнять! Ребятам тоже будет интересно послушать. Ну, что скажешь, Рудольф Васильевич?

– Я ведь не отказываюсь. Обещал, значит, исполню. Навострите уши! Валентина Петровна, только напомни-ка мне, на каком месте я остановился?

– Виктор проверил окна...

– Так не годится! – неожиданно подал голос Иванченко. – Мы-то начала не знаем. Начните сначала?

– Я тоже хочу услышать начало, – присоединился к просьбе Иванченко Бобов.

* * *

– Знаете, друзья, самое интересное только начинается с этого момента, – окинув своим взглядом сидящих, предложил я. – Так вот, когда Виктор убедился, что окна целы, мы все снова своё внимание обратили к спящему человеку. Я наклонился к нему и стал тормошить.

Он – хоть бы хны! Даже ушами не шевельнул. Спит себе, и всё тут. Я снова стал его тормозить, результат тот же.

Только с третьей попытки я его всё же растормошил. Очнулся он. Открыл глаза и тут же прикрыл их руками, защищая их от прямых лучей светящихся фар машины. Это был парень, на вид ему примерно года двадцать два – двадцать три, не более, среднего роста, худощавый, волосы тёмные с кудрявинкой. Пока мы рассматривали его, смотрим, руки, прикрывающие глаза, стали сползать с лица и замерли, достигнув узла с вещами. Тут же послышался храп. Заснул.

«Так он же вдрызг пьян!» – вдруг осенило меня. Я посмотрел по сторонам, ища пустую бутылку или стакана, но никакой бутылки или стакана возле него не обнаружил. Я снова стал тормозить его. На этот раз парень проснулся быстро и тут же выпустил в наш адрес, то есть правильное будет сказано, в мой адрес, так как я тормозил его, град матершинных слов. Мы слушали молча. Не мешали ему выплеснуться. Перестав материться, он угрожающим тоном потребовал, чтобы мы убралась восвояси и исчезли с его глаз. Иначе он не ручается за себя. Для убедительности и острастки он выпустил куплетик отборного мата.

«Ух, какой грозный!» – мысленно отметил я. Несмотря на его угрозы, я вежливо, не повышая голоса, попросил успокоиться и ответить на мой вопрос:

– Что тут делаешь в такой поздний час и к тому же с вещами? Может, тебе плохо, помощь нужна?

Парень направил на меня свой полусонный, замутнённый взгляд и прошипел, как змея:

– Какое тебе собачье дело до меня: сплю, лежу, валяюсь, сам себе хозяин. Понял? Тоже мне, благородный нашёлся! Где хочу, там лежу или сплю. Доходит до тебя? Или у тебя уши заложены? Если так, то быстро прочищу! Опыт у меня есть. Дошло? Отвали от меня, пока цел и невредим! Какого дьявола пристаёшь ко мне! Что? Запретишь? Ну-ка, выкуси! Видишь? – Кое-как скрутил из трёх пальцев дулю и пытался сунуть мне под нос. – Кишка тонка! Понял? – После этих слов последовал мат из трёх и более слов.

Мне так хотелось сунуть эту дулю ему, но сдержался. Я подождал, пока парень не выпустит весь свой арсенал матершинных слов. Когда иссякли у него слова, я миролюбиво сказал:

– Хорошо, хорошо, спи, где хочешь, валяйся, где твоя душа желает. Это твоё право. Действительно, это не моё дело. Я волнуюсь за тебя и твои вещи. Зачем же ты таскаешь с собой вещи в ночное время? Заснёшь, могут твои вещи украсть, или пойдёт дождь – замочит. Слушай, парень, может, ты, случаем, обчистил кого, а? Ну-ка, отчисти свою грешную душу перед людьми. Ну, рассказывай? Не ровен час, можно и милицию для верности пригласить? – Парень действительно, услышав слово «милиция», неожиданно притих. – Что притих, испугался? То-то же! Рассказывай по-хорошему! Нравится тебе такая перспектива?

Угроза, по-видимому, всё же подействовала на него. Молчал. Угрозы и мат внезапно исчезли, испарились. Пауза без угроз и мата длилась не очень долго, и неожиданно парень промямлил:

– Обчистил, скажете тоже... – протяжно промямлил он, не глядя в нашу сторону. – Чтобы вам было понятно, и не приставали больше, поясняю непонятливым: вещи мои, из дома. – В знак того, что он как будто удовлетворил моё требование, рукой нежно стал гладить по узлу.

– Если вещи твои, как ты говоришь, из дома, то зачем же ты их таскаешь с собой в ночное время? Что-то ты темнишь, парень? Всё-таки мне придётся вызвать милицию. Пусть они разбираются с тобой.

Парень помедлил секунду, перестал гладить узел, неожиданно принял сидячее положение и укоризненно промолвил:

– Разошёлся с женой, вот и забрал свои и те, что покупал жене при совместной жизни. – При этих словах в глазах его мелькнула какая-то хитрая усмешка. «Что-то хитрит парень!»

– Где же ты так налился? – спросил я, заметив, что парню не совсем нравятся мои вопросы.

Парень сделал безразличный, равнодушный вид и отпарировал:

– Налился, не налился, тебе не всё равно? Налился и всё! Мне так захотелось. – Внезапно парень расхрабрился и с наглым тоном продолжил. – Захочу, ещё выпью. Что, завидно? Небось, и тебе хочется? По твоим глазам вижу, что хочется. То-то же!

Я ухмыльнулся и спокойно сказал:

– Бог с тобой парень, пей, сколько душе твоей угодно и сколько влезет. Только не лопни от жадности. Я вот никак в толк не возьму, почему ты именно ночью решил забрать вещи, что – мало было времени днём?

Парень как будто не слышал моего вопроса. Прищурил глаза, высунув язык, стал обливать сухие губы, а после с усилием проглотил слюну и только тогда пробормотал:

– Что тут непонятного? Всё очень просто. Упал же на мою голову такой непонятливый, тупой собеседник. Понимаешь, днём жена – да, уже бывшая – была на работе. Видите ли, она на жизнь деньги зарабатывает. Ей всё мало денег и потому подолгу задерживается на работе. Понятно, нет? По этой причине поздно пришла с работы. Приготовила ужин.

Перед тем, как садиться ужинать, мы, по согласию между собой, разложили вещи на пол и стали делить. Всё делили по совести. Учти, по совести! Понял? Я свои вещи сложил на покрывало, после связал в узел. После раздела, сели ужинать. Во время ужина распили бутылку водки.

Я, как полагается, на радостях запьянел. Понял, нет? Вся эта канитель, как ни странно, длилась почти до двенадцати ночи. Ответ мой устраивает тебя? – Парень при этом ехидно улыбнулся.

– Уж очень складно у тебя получается, парень, – вмешался в разговор Виктор. – Тогда ты, может, скажешь, где ты проживал и наживал это имущество, которое возле тебя лежит?

Парень при этом вызывающе ухмыльнулся. Наглая улыбка пробежала по его распушенным губам. Через небольшую паузу он произнёс:

– Если вы так слёзно просите, мне стало жалко вас. Так уж быть, удовлетворю ваше желание! – всё больше и больше распалялся парень. Не моргнув глазом назвал улицу и номер дома.

– Так это же совсем недалеко отсюда, можно сказать, почти рядом, – громко, чтобы всем слышно было, сказал Виктор, удивляясь. – Выходит, парень не врёт! Я знаю этот дом и хозяйку. Она работает у нас на заводе. Правда, есть у неё муж или нет, не знаю, не приходилось встречаться. Значит, ты её муж?

– А кто же ещё? Конечно, я. Учтите только, бывший муж!

«Врёт он или не врёт, на кой чёрт он мне сдался, – стал размышлять я, услышав от Виктора, что парень местный и живёт недалеко. – Пора нам домой. И так много времени потратили на этого парня. Пусть себе спит. Утром рано мне на работу. Отдохнуть надо». Пока я думал, парень почему-то вдруг стал собираться уходить. Он с трудом поднялся и, мыча что-то нечленораздельное, принялся взваливать узел на спину. Попытки взвалить узел заканчивались неудачно. То узел падал, то сам падал.

После нескольких неудачных попыток у парня, вероятно, не выдержали нервы, он приподнял узел и тут же резко бросил его. Узел, ударившись о землю, развязался, и вещи рассыпались. Мы с интересом стали рассматривать их. В основном там были женские вещи: пальто синего цвета осеннее, пальто зимнее с норковым воротником, несколько женских платьев, куски материи, кофты, мужские рубашки, брюки...

Парень собрал вещи в кучу, завязал узел. На этот раз парню помог поднять узел на спину наш водитель. Парень, качаясь под тяжестью узла то в одну сторону, то в другую, поплёлся вниз по улице. Дойдя до угла улицы, упал. Послышался мат и ругань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.